

*Всем, чье сердце было вдребезги
разбито навсегда, но «навсегда»
оказалось невечным. И над этим
действительно стоит посмеяться*

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой я размышляю о браке

Мне всегда казалось ужасно претенциозным, когда собирают всех родных и близких и торжественно объявляют, что вот, мол, мы здесь и сейчас стали единым целым и это, уверяем вас (как будто мы познали вечность), **НАВСЕГДА**, несмотря на неутешительную статистику. Мы попросили вас найти время и деньги приехать сегодня сюда, ведь именно наша пара сможет избежать всего того, что обычно убивает любовь. В двадцать три года мы уверены в этом и хотим разделить свою уверенность с вами. Многим сдержать такую клятву оказалось не по зубам, но нас это не разубедило и не испугало. Наша любовь выживет, ведь она особенная, она наша. Мы любим друг друга совсем не так, как другие. Наш брак *will survive*.

Но почти на каждой свадебной вечеринке изрядно выпившие гости устремляются на танцпол и, пытаясь заглушить Глорию

Гейнор, орут, что они выжили после крушения своих иллюзий. Я и сама не раз видела, как тетки, сжимая воображаемый микрофон в руках, всю отрывающуюся, подхватывая песню на единственной известной им фразе *I will survive, hey, hey!* Да, они «выжили», несмотря на развод. Хей, хей.

По большому счету, реальная проблема тут одна — обмен клятвами. Это все как-то несерьезно — обещать любить друг друга в здравии и болезни, в богатстве и бедности. Я ратую за честность, поэтому для женихов и невест в XXI веке предлагаю внести поправочку и поубавить в тексте клятвы сказочности: «Торжественно клянусь любить тебя и т. д. и т. п., пока не разлюблю. Или пока не встречу другого». Ведь что уж тут скрывать, порой даже самые страстные и крепкие отношения сминает безжалостный каток повседневного быта.

Конечно, всем известно, что некоторые браки держатся лет по шестьдесят, несмотря на бури и невзгоды, — такие примеры для подражания вот уже много веков усугубляют мучения семейных пар, которые часто оказываются заложниками собственной клятвы. На свете больше детей, родившихся с шестью пальцами, чем супругов, проживших по-настоящему счастливо вместе. При этом лишний палец ученые называют исключительной аномалией, а брачный союз

до сих пор остается одним из столпов нашего общества. Почему бы тогда не устраивать торжества, посвященные рождению шестипалых младенцев?

Все, чего хотела я, — это жить с любимым мужчиной, иметь от него детей, которых мы вместе воспитывали бы и лелеяли, поддерживая друг друга всеми силами и как можно дольше. Я обожала бы своих «незаконно-рожденных» ребятишек. И мужа, вернее, своего парня. Возможно, без этой брачной оболочки, которая помешала мне увидеть, что наша любовь начала гнить изнутри, я обожала бы его сильнее.

Мы поженились, потому что семья моего будущего супруга находила мою любовь простой и понятной. Раньше я никогда не считала простоту недостатком. В семье мужа, где вечно все усложняли и где разводы были обычным делом, эта простота пришлась ко двору.

Я годы положила на то, чтобы подстроиться под него, и тут услышала: «Я ухожу, я полюбил другую». Своими убийственными словами он уничтожил не меня, а все мои представления о жизни, на которую я смотрела его глазами, которую видела через призму священного союза, что сделал меня мной сегодняшней. Союза, в котором я окончательно и бесповоротно отказалась от собственных интересов, поскольку мы

с мужем были связаны торжественной клятвой и венчальными кольцами.

В тот момент, когда он сказал, что отказывается от своего обещания, земля разверзлась у меня под ногами. Всего несколько слов — и мой привычный мир рухнул. Я еще пыталась за что-то ухватиться в этом моем головокружительном падении в тартарары, но всякий раз опора ускользала из рук.

Он разлюбил, но злилась я на него не за это, как могло показаться. Всем известно, что сдерживать эмоции удается не всегда. Оно и к лучшему, наверное. Гнев позволяет на какое-то время забытья, но рано или поздно мы возвращаемся к реальности. Прошлых отношений не вернуть — это я понимала, несмотря на свое подавленное состояние. Интересно, а он не пожалел, что разлюбил меня? Было бы куда проще для всех, и в первую очередь для него самого, если бы мы жили как раньше, а так ему пришлось перед многими долго объясняться, извиняться, оправдываться, защищаться, прежде чем его оставили в покое. В этом ему, честно говоря, не позавидуешь.

Я злилась, что потратила на него годы, которые не прошли для моего тела бесследно. А он с возрастом стал только интереснее — не могу отделаться от мысли, что это нечестно, даже если он не прилагал никаких усилий, — и теперь соответствует современным

Исповедь скучной тетки

представлениям о мужской красоте. После пятидесяти актеры-мужчины выглядят как никогда привлекательными, а вот Моника Беллуччи в роли девушки Бонда вызывает нервные смешки. Именно из-за этой жестокой несправедливости я ненавидела мужа и его новую девицу — они-то могли начать все заново, а моя репродуктивная система заявила, что собралась на пенсию. Я становилась все более желчной и вскоре начала сама себя ненавидеть — и свое тело, и душу. Если бы Жаку не хватало доводов, чтобы уйти, я предоставила бы ему их с лихвой.

Однако я *выжила*, как и те отплясывающие тетки.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

*в которой я медленно тону под тяжестью
собственного лишнего веса*

— Я полюбил другую.
Кровь хлынула к лицу. В висках застучало, еще немного — и глаза выскочат из орбит. Фраза мне показалась настолько нелепой, что я покосилась на экран телевизора: не оттуда ли раздалась эта слова? Но там две телезвезды беззаботно хохотали, фаршируя курицу ветчиной. О любовных проблемах они не говорили.

— Диана, я не хотел... Это не из-за тебя, но... Ох...

И он обрушил на меня поток тошнотворных банальностей. Говорил нервно, плохо скрывая желание побыстрее со всем этим покончить. Я почти ничего не поняла, кроме больно уколотивших слов «заурядность», «скука», «желание» и того, что он долго размышлял о «нас». Шарлотта совсем недавно покинула родительский дом, и я пока не успела придумать личное местоимение,

исключающее детей. А стоило, да, знаю. Я собиралась, но вот ведь, чуть-чуть не успела к нужному моменту.

— Диана, я... я ухожу.

Жак ушел из дома в тот же вечер, чтобы дать мне успокоиться и все обдумать. Несколько слов — и двадцати пяти лет брака как не бывало. Он полагал, что его присутствие помешает моим размышлениям и лучше дать мне время переварить новость, которую, по его собственному признанию, нелегко проглотить. Меня воротило от его вымученных пустых слов, и я представляла, как они разбиваются вдребезги у моих ног.

Устав от длинных объяснений, он, вздыхая, поднялся. Говорить, куда уходит, не стал. Но догадаться было нетрудно. Наверняка его где-то ждала «другая», чтобы отпраздновать начало новой жизни, вбить первые гвозди в крышку моего гроба.

— Сколько ей?

— Что?

— Сколько ей лет?

— Диана, при чем тут возраст?

— Я ХОЧУ ЗНАТЬ ЕЕ ЧЕРТОВ ВОЗРАСТ!

Он посмотрел на меня глазами побитой собаки, в которых читалось: неприлично молодой возраст, Диана, неприлично молодой — да, все очень банально.

— Это не то, что ты думаешь.

Когда мою подругу Клодину бросил муж ради своей студентки, это тоже было не то, что она думала: «Эта девушка удивительная, она прочла всего Хайдеггера!» Распрекрасный Филипп вовсе не виноват, что Хайдеггер как-то впихнул все свои философские знания в герметичный мозг студентки и над ней воссияла непреодолимо манящая аура. Кто такой Хайдеггер? Да плевать! А Клодина так взъелась на Хайдеггера, что раздобыла собрание его сочинений, стала выдирать из томов страницы и разжигать ими камин, а еще выстилать кошачий лоток. Со временем напичканная хайдеггеровской феноменологией девица стала у нее ассоциироваться с какашками. Тут что угодно придумаешь, лишь бы полегчало.

Я сидела одна в темной гостиной, уставясь в телевизор, хотя Жак его выключил. В экране отражался мой слегка искаженный, замерший неподвижно силуэт. Тело сковали боль и стыд, парализовав всякое движение. Останься я там подольше — истлела бы, медленно поглощенная диваном. А хорошо бы исчезнуть вот так, по-тихому, и я, скучная тетка, больше не мешала бы счастьем других.

Солнце вошло с той же стороны, что обычно. Удивительно. Похоже, конец света никак не повлиял на движение звезд. Стало быть, надо жить дальше, невзирая на

огромное желание умереть. И я поднялась, медленно, чтобы не сломать одеревенелые ноги, ведь им придется еще какое-то время мне послужить. Нужно будет избавиться от дивана, который я обмочила, пока пребывала в оцепенении.

Под душ я встала не раздеваясь. Как бы мне хотелось снять с себя, подобно одежде, все на меня налипшее. На кафельном полу душевой смешивались краски линяющего нового костюма, моча, тушь, слюни, слезы. Настоящая же грязь не смывалась.

Я вынесла из дома все диванные подушки и свалила их грудой на идеально подстриженном газоне. Потом сходила в подвал за кувалдой и принялась колотить по дивану что было сил. Случайно даже долбанула по стене. Мне полегчало. Если бы не устала, я бы и дом разнесла в пух и прах.

Через день мне позвонил Жак, чтобы узнать, в порядке ли я, и попросить из уважения ко всем нашим близким притворяться, что «все хорошо, прекрасная маркиза», пока не подготовим детей, родителей и коллег. К тому же на носу было двадцатипятилетие нашей свадьбы, и он считал нелепым отказываться от праздника («знаю, мне стоило подумать об этом заранее») — он хотел, чтобы мы поступили мудро и провели этот вечер вместе, в семейной идиллии («все так этого ждали и заслужили праздник»).

Я почувствовала себя индийской невестой, которая в свадебный вечер сидит в сторонке и церемонно принимает пожелания счастья, хотя это счастье где-то далеко от нее. Никогда не понимала, почему другие могут заслужить что-либо из моей жизни.

— Ты можешь подумать об этом и вернуться ко мне с ответом?

— Хм.

Всегда ненавидела это «вернуться ко мне с ответом».

Однако я последовала инструкциям, то есть подумала.

Я решила действовать по-простому, в духе времени: создала профиль в «Фейсбуке»¹ (прибегнув к помощи моего сына Антуана по телефону). Потом много часов подряд отправляла запросы на добавление в друзья во все уголки Квебека и за его пределы. Начала с родителей мужа, его сестры, дальних родственников, пригласила наших коллег, друзей, соседей, знакомых, недругов и прочих сброд. Когда кто-нибудь подтверждал дружбу, я изучала список его друзей, а то вдруг о ком-то забыла. Меня засыпали сообщениями о моем запоздалом появлении в соцсетях, для всех это было «так нежи-

---

¹ Фейсбук — продукт компании Meta Platforms Inc., деятельность которой признана в России экстремистской. — *Здесь и далее.*

данно и круто». Я ставила лайки везде: под всем, что бы люди ни писали, показывали или комментировали, даже когда рассказывали, как поиграли в тетрис, или считали необходимым сообщить, какой чай они собираются выпить. Искренности в моих реакциях было не больше, чем натуральности в пластмассовых цветах.

К концу дня у меня уже было триста двадцать девять друзей, и я ждала еще около сотни подтверждений. Тут-то я и написала свой первый в жизни пост. А премьера должна быть громкой и незабываемой.

Диана Делоне • 20:00 •

Скажи мне, всезнающий «Фейсбук», стоит ли мне отменить вечеринку в честь серебряной свадьбы из-за Жака (моего мужа), заявившего, что он бросает меня ради другой? Хочу набрать 300 лайков до завтрашнего дня. Буду благодарна за репост. Выставляю неурядицы напоказ, чтобы понаблюдать, как все перегрызутся.

Написала, выключила компьютер, мобильник, свет, телевизор, закрыла двери на всевозможные цепочки и щеколды, проглотила несколько таблеток снотворного и свернулась калачиком на кровати в гостевой комнате. Я чувствовала себя отвратительно, не было

никакого настроения развлекаться чтением комментариев. Пусть первые несколько дней там все побурлит без моего участия. Пусть люди переписываются, созваниваются, обвиняют и утешают друг друга, пусть осуждают его, жалеют меня, клеймят нас обоих, восклицают от ужаса, пусть анализируют и разбирают всю эту историю без меня. Так я пропущу первые неловкие моменты, громкие шепотки «господи, я и не знал», спешно отводимые взгляды, смущенные лица, всплескивание рук в попытке сдержать удивление или шок (а может, злорадство, кто знает). И мне не придется ни от кого скрывать, что я мечтаю умереть. Я насмотрелась на таких в офисе и не только: шатаются, как зомби, с горой папок в руках, стараясь убедить окружающих, что с ними все в порядке. Я взяла драгоценный отпуск по случаю двадцатипятилетия свадьбы и забросила все до тех пор, пока не оживу; в сорок восемь можно себе такое позволить, когда уже имеешь право на довольно длинный отпуск и располагаешь кое-какими сбережениями. Новость о разводе я швырнула обитателям соцсети, точно мясную тушу своре алчущих псов. Вернуться я рассчитывала, когда останутся лишь обглоданные дочиста кости, которые я смогу собрать без отвращения.

Я сбросила эту вредоносную бомбу в надежде хоть немного притупить свою

боль. Но в результате только усилила ее, запутавшись в ветвящихся щупальцах наших отношений. Я всегда пыталась сравнивать сильнейшие душевные муки с муками телесными — так вот, лучше много раз родить без анестезии, чем терпеть эту боль. А я знаю, о чем говорю.

Следующие несколько недель я виделась только с детьми. Они ведь тоже страдали. Все прочие наперебой долбили в мою дверь, оставляли сообщения где только можно. Я удаляла все, не читая и не слушая. Удалила даже профиль в «Фейсбуке», так и не прочтя накопившиеся четыреста семьдесят два комментария. Дни и ночи напролет я пялилась в потолок, изводя себя размышлениями, что же я упустила. А когда в изнеможении засыпала, то просыпалась в еще более кошмарном состоянии, всякий раз с ощущением, будто мне что-то ампутировали. Боль не проходила, рана не затягивалась. Моим легким не хватало воздуха. Увязнув обеими ногами в трясине собственной жизни без возможности за что-либо ухватиться, я позволила себе пойти ко дну.

Однако я нашла силы оттолкнуться и всплыть из темной глубины на поверхность. *Show must go on*, как пел кое-кто. В юности я это горланила что было сил. Теперь я это проживала.

Постепенно я нехотя позволила близким вернуться в мою жизнь. Они заботливо, как из пипетки, потчевали меня заезженными утешительными фразами, которые все твердят из века в век, словно молитвы. Я потребляла их неловкую доброту, точно пересоленный куриный бульон после отравления. Вылечить они меня не вылечили, но немного спасли от меня самой.

Годовщину свадьбы не пришлось отмечать с большой помпой в каком-нибудь замке. Никаких тебе красивых речей о верности клятвам, никаких торжественных возобновлений этих самых клятв, никаких старых тетушек с прическами, похожими на многоярусный торт, никаких пьяных дядюшек с шаловливыми ручонками. А главное, никаких «выживших» на танцполе.

На деньги, вырученные от продажи помолвочного и обручального колец, я купила роскошные дорогие итальянские сапоги синего цвета — да, мне нисколько не стыдно, пусть мои ноги на какое-то время отвлекают внимание на себя. Оставшиеся деньги я пожертвовала местному дому молодежи на покупку настольного футбола и теннисного стола. Пускай ребята забивают мячики в обломки моего брака, мне это доставит удовольствие.